

© 1997 г. Е.Ю. ФИЛИМОНОВА

**К ВОПРОСУ ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОМ УПОРЯДОЧИВАНИИ ЛИЦ.
ВЫДЕЛЕННОСТЬ 2-ГО ЛИЦА.
ГИПОТЕЗА ЯЗЫКОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ**

Проблема иерархического упорядочивания лиц неоднократно ставилась в лингвистической литературе последнего времени [Mallinson, Blake 1981:65; Nichols 1991:66; Plank 1986; Heath 1991]. Пожалуй, первым об этом заговорил М. Сильверстейн. В его ставшей уже классической работе [Silverstein 1976] постулируется обособленность местоимений 1-го и 2-го лица при падежном оформлении в некоторых языках эргативного строя. В этих языках имена существительные оформляются согласно эргативному принципу маркирования актантов, в то время как местоимения 1-го и 2-го лица, как правило, следуют аккумулятивному принципу. Кратко поясним, что означают эргативный и аккумулятивный принципы маркирования. Пусть S_i есть субъект переходного действия; O – объект переходного действия; S_i – субъект непереходного действия. Согласно аккумулятивному принципу маркирования (этому принципу следуют, к примеру, существительные и местоимения в русском языке) S_i и S_i оформляются одним падежом – номинативом, а O имеет другой падежный показатель – аккумулятив. В случае эргативного принципа общий показатель имеют S_i и O , в данном случае это – номинатив. А субъект переходного действия S_i оформляется эргативным падежом. Сильверстейн объяснял это явление "расщепления" в падежном оформлении, используя семантический принцип одушевленности, или "личности" именных групп, согласно которому происходит упорядочивание именных групп по шкале падежного маркирования. По мнению Сильверстейна, местоимения 1-го и 2-го лица отсылают к наиболее "личным" референтам, которые, в свою очередь, скорее всего могут быть инициаторами действия и, следовательно (поскольку функция агенса является наиболее ожидаемой для местоимений 1-го и 2-го лица) могут быть оформлены немаркированным, в данном случае номинативным, падежом. По мере продвижения (слева направо) по шкале одушевленности (местоимения 1-го и 2-го лица > местоимения 3-го лица > имена собственные > имена, обозначающие людей > одушевленные существительные > неодушевленные существительные) вероятность того, что именные группы, занимающие эти позиции, будут выступать в качестве субъекта переходного глагола, т.е. инициатора действия, падает. Наиболее ожидаемая функция для этих именных групп – объект переходного действия. Вполне логично ожидать, что именные группы этой функции будут также оформлены немаркированным падежом. В данном случае – это номинативный падеж.

А. Вежбицка [Wierzbicka 1981], объясняя расщепление в падежном оформлении между именами существительными и личными местоимениями 1-го и 2-го лица, критикует теорию Сильверстейна об одушевленности, или, как ее называет Вежбицка, об агентивности именных групп. А. Вежбицка считает, что расщепление не может быть объяснено теорией, которая учитывает только формы падежей и игнорирует их функции.

Вежбицка считает, что агенсы, выраженные личными местоимениями 1-го и 2-го лица, с точки зрения транзитивности "ничем не лучше" агенсов, выраженных местоимениями 3-го лица. Наоборот, в некоторых языках предложения с субъектами 1-го и

2-го лица отличаются от основной транзитивной модели и рассматриваются как менее транзитивные. Так, если говорящий производит действие по отношению к 3-му лицу, предложение, описывающее это действие, должно рассматриваться как квазитранзитивное, поскольку агенс 1-го лица занимает центральную позицию в сознании говорящего, и таким образом, для другого участника в его поле зрения не остается места. Так, например, в английском языке предложения с агенсами 1-го и 2-го лица менее поддаются пассивизации, являющейся одним из лучших тестов на транзитивность, чем предложения с агенсом 3-го лица.

Ср. *He beats me.* ⇒ *I was beaten by him.*

I beat him. ⇒ **He was beaten by me.*

А. Вежбицка постулирует высокую топиализованность личных местоимений 1-го и 2-го лица и объясняет все расщепления¹ (в согласовании, порядке местоименных клитик, местоименных аффиксов, в категории "направление" (*direction*) (встречающейся, к примеру, в алгонконских языках), в падежном маркировании) через эту концепцию.

Вежбицка также согласна с мнением, высказанным А.Е. Кибриком [Kibrik 1979: 74] по поводу "гетерогенного принципа кодирования актантов" в некоторых кавказских языках. Кибрик рассматривает те языки, в которых личные местоимения в отличие, скажем, от существительных, не различают эргативный падеж. В их падежной парадигме номинатив и эргатив имеют одинаковые формы. В силу этого, в тех случаях, когда местоимения 1-го или 2-го лица выступают в качестве субъекта переходного действия, возникают конструкции, в которых *S*_i и *O* маркируются одним падежом – номинативом. Кибрик пытается найти объяснение, почему личные местоимения ведут себя подобным образом. Он полагает, что эргатив по сути своей является периферийным маркером. Кибрик указывает на противоречие, которое возникает в том случае, если личные местоимения следуют эргативному принципу кодирования актантов: это противоречие между центральной ролью участника речевого акта, являющегося семантически активным, и его периферийным маркером – эргативом. Если эргатив действительно является периферийным маркером, как считает Кибрик, то тенденция местоимений 1-го и 2-го лица избегать эргативного маркирования представляется вполне естественной.

Вежбицка считает, что ограничения, накладываемые на порядок следования местоименных клитик и аффиксов, тоже объясняются с помощью иерархии топиализованности. Так, во многих языках (например, во французском и шамбала) клитики или аффиксы 1-го и 2-го лица не могут находиться в соположении. Они соревнуются за право занять один и тот же слот – слот высокой топиальности².

¹ Имеются в виду те ситуации, когда местоимения 1-го и 2-го лица и соотносимые с ними грамматические элементы и конструкции оформляются иначе, следуют другим правилам, нежели местоимения 3-го лица или имена существительные.

² Поясним это положение на примере французского языка. Местоименное косвенное дополнение глаголов типа "*recommander*" (рекомендовать) может выступать в контрастной форме только в контексте выделения:

Roger l'avait recommandé à toi, pas à Jean.

Роже рекомендовал это тебе, а не Жану.

В этом примере косвенное дополнение *à toi* противопоставлено другой именной группе (*à Jean*). В случае, когда контекст противопоставления отсутствует, используется слабая, или "клитическая", форма местоимения:

Roger te l'avait recommandé.

Роже рекомендовал это тебе.

Но если мы возьмем предложение типа

Roger nous avait recommandés à toi.

Роже рекомендовал нас тебе,

то здесь форма *à toi* не воспринимается как контрастная. В этом предложении в позиции косвенного дополнения невозможно использовать слабую (клитическую) форму местоимения:

Дж. Хит [Heath 1976] предлагает приблизительно похожее объяснение тому факту, что в некоторых австралийских языках эквивалентные комбинации этих двух лиц (комбинации, в которых субъект и объект занимают эквивалентные иерархические позиции) имеют вид портманто, т.е. представляют собой комбинации, не поддающиеся морфологическому сегментированию, или же маркируются показателем 1-го лица инклюзивного. Так, например, в языке алава показатель комбинации "1ExPl->2Sg" имеет вид *añi*, а "2Sg->1Sg" – *ji*. При этом в местоименной системе языка отсутствуют элементы, фонологически сходные с приведенными показателями, и расчленив их, попытаться разложить на составляющие элементы не представляется возможным. В языке нунггубу показатель комбинации "2Pl->1Sg/Pl" *ñiri* сходен с показателем 1InPl, который схематично можно было бы представить как *ñVrV*, который, в свою очередь, в языке реализуется в виде *ñiri*, *ñiri* и *ñä* (из **ñara*). В языке аниндиляква показатель комбинации "2Pl->1Sg/Pl" *y(ə)* омофоничен (интранзитивному) 1InDu *y(ə)*, а показатель комбинации "1Sg/Pl->2Pl" *nar* омофоничен (интранзитивному) 1InPl *nar* [Heath 1991: 82–3]. Как отмечает Д. Хит, при использовании показателей первого лица инклюзивного ролевая дифференциация лиц практически стирается. Хит называет комбинации 1 и 2 лица (1(-)2) наиболее "опасными" в том смысле, что они содержат наиболее прагматически чувствительные местоимения и при введении их в синтагматическую структуру внимание неизбежно фокусируется на отношении "говорящий–адресат" [Heath 1991:86]. Поэтому некоторые языки не могут решить, какому из двух лиц пары "говорящий–адресат" отдать предпочтение и определить как стоящее выше по иерархии лиц, и во избежание конфликта используют особый аффикс, значение которого сводится лишь к указанию, что в действии принимают участие референты 1-го и 2-го лица (без ссылки на то, в какой именно роли – агенса или объекта – выступает то или иное лицо).

По-иному подходит к проблеме иерархического упорядочивания лиц Ф. Планк [Plank 1985]. Планк не ставит своей задачей определить, какое из трех лиц является наиболее отмеченным в личной иерархии. В своей работе он обсуждает, скорее, общетеоретические аспекты иерархизации лиц. Планк поднимает вопрос о необходимости говорить о лицах, понимаемых морфосинтаксически, а не семантикопрагматически, когда речь идет об их взаимосвязи с концептом референциальной иерархии. В его работе рассматривается отражение принципа иерархического упорядочивания местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица в синтаксических правилах, зависимость упорядочивания форм и значений в личных и лично-числовых парадигмах от этого принципа, а также роль этого принципа при оформлении реляционной конструкции предложения.

В настоящей работе объектом рассмотрения стали языки³, где постулируется выделенность 2-го лица по сравнению с 1-ым и 3-им лицами. Мы не ставим своей задачей ответить на вопрос о том, почему в этих языках второе лицо оказывается наиболее выделенным. Этот аспект довольно убедительно изложен в работе Ф. Плана. Нас будут интересовать морфосинтаксические особенности этих языков.

**Roger nous t'avait recommandé.*

**Roger te nous avait recommandé.*

Аналогично, если в роли косвенного дополнения выступает местоимение 1-го лица, то оно может употребляться в клитической форме только в случае, если прямое дополнение отсутствует или если в роли прямого дополнения выступает местоимение 3-го лица. Но если в роли прямого дополнения выступает местоимение 2-го лица, использование клитической формы местоимения 1-го лица в роли прямого дополнения приводит к грамматически неправильному предложению [Perlmutter 1971: 53–54]. Таким образом, местоимения 1-го и 2-го лица не могут выступать в одной клитической группе.

³ Отметим сразу, что нам не удалось обнаружить большого количества интересующих нас языков. Использованы следующие языки: нунггубу, алава, аниндиляква [Heath 1976, 1991], кри [Ahenakew 1987], кечуа [Weber 1986], йокутс [Newman 1944], сомали [Jensen 1930], маньчжурский [Jensen 1930], оджибве [Jensen 1930, Moravcsik 1978, Schwartz, Dunnigan 1986], каража [Wiesemann, 1986], потаватоми [Plank 1985], испанский [Moravcsik 1978, Plank, Schellinger 1997]. Данные о принадлежности того или иного языка к определенной языковой группе приведены по списку Рудена [Ruhlen 1987].

Иерархия лиц может проявляться как на синтаксическом, так и на морфологическом уровнях, или же на обоих уровнях одновременно. В первом случае, т.е. при наличии синтаксической иерархии, мы имеем дело с упорядочиванием лиц при распределении синтаксических ролей (например, в языке кри (алгонконская подгруппа североамериканской группы америндских языков), кечуа (андская группа америндских языков). Речь идет о возможных изменениях синтаксических конструкций, а также принципов оформления личных глагольных аффиксов в зависимости от того, в какой функции в предложении (субъекта или объекта) выступают местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица (подробнее см. ниже). Во втором случае морфологический анализ форм свободных личных местоимений, а также согласовательных личных аффиксов дает основания сделать заключение о выделенности того или иного лица. Как правило, это анализ форм со смешанным референтным множеством, т.е. инклюзивных форм в сравнении с эксклюзивными. Причем, как будет показано ниже, выделенность 2-го лица на синтаксическом уровне влечет за собой обязательное выделенное выражение этого лица на уровне морфологическом, но не наоборот.

В морфологическом плане можно назвать следующие признаки выделенности 2-го лица.

В языках, где 2-е лицо находится на высшей ступени иерархии лиц, естественно ожидать противопоставления инклюзивной и эксклюзивной числовых форм, иначе говоря, наличия отдельной инклюзивной числовой категории 1-го лица, когда адресат включается говорящим в референциальное множество. Категории инклюзив/эксклюзив существуют во многих языках, но не во всех языках, где встречаются эти категории, второе лицо является выделенным.

Как правило, в языках с выделенным 2-ым лицом, форма 1Pl(Du)Incl. в морфологическом плане строится с перспективы 2 лица. Так, например, в языке йокутс (пенутийская подгруппа) североамериканской группы америндских языков [Newman 1944; Hymes 1953: 297] формы местоимений 1-го лица множественного и двойственного числа эксклюзивных и второго лица множественного и двойственного числа при морфологическом членении обнаруживают общий второй элемент, т.е. морфему со значением множественности или двойственности. Формы 1-го лица множественного и двойственного числа инклюзивного и 2-го лица множественного и двойственного числа имеют общий первый элемент, который можно было бы обозначить как показатель 2-го лица:

Единственное число	1	<i>na'</i>	
	2	<i>ma'</i>	
Двойственное число	1 Ex.	<i>na'ak'</i>	
	1 In.	<i>mak'</i>	
	2	<i>ma'ak'</i>	
	2	<i>ma'an</i>	[Newman 1944 : 231–232],
Множественное число	1 Ex.	<i>na'an</i>	
	1 In.	<i>ma</i>	
	2	<i>ma'an</i>	

где *na'* – показатель 1-го лица, *ma'* – показатель 2-го лица, *ak'* – показатель двойственности, *an* – показатель множественности.

Енсен в своей работе [Jensen 1930: 121] отмечает ряд языков, которые при построении инклюзивной формы "мы" используют элементы, обычно характеризующие формы 2-го лица. Так, в языке сомали (кушитская группа афроазиатских языков) "мы" эксклюзивное имеет форму

anna < **ani-n-a* (множественное число от *an*, *ani* "я");

"мы" инклюзивное имеет форму

inna < **adi* ("ты") -*n-an* ("я");

второе лицо множественного числа ("вы") имеет вид

adi-n (множественное число от *adi* "ты").

В маньчжурском языке (тунгусская группа алтайских языков) "мы" экскл. имеет

форму *be*, косвенная форма *te* (*bi* "я", косв. *mi*), "мы" инклюзивное имеет форму *muse*, а формы 2 лица имеют вид *si* "ты", *sue* "вы".

В языке оджибве (алгонконская подгруппа северо-американской группы америндских языков) ситуация выглядит следующим образом:

1Pl Ex. *ninawin* (*nin* "я")
 1Pl In. *kinawin* (*kin* "ты", *kinawa* "вы"),

что демонстрирует построение инклюзивной формы на основе 2-го лица, а не 1-го.

Интересно отметить, что в некоторых грамматиках при описании данной категории используется обозначение "21p(erson)" [Ahenakew 1987], т.е. на переднем плане стоит 2-е лицо, а не 1-е.

В качестве примера выделенности 2-го лица на морфологическом уровне можно указать также, что в диалекте кузко (Cuzco) языка кечуа формы будущего времени имеют регулярное образование во всех лицах, кроме второго [Moravcsik 1978: 356].

В языке каража (же-пано-карибская группа америндских языков) [Wiesemann 1986: 370] плюральные и временные показатели идентичны для 1 и 3 лица и отличаются, в свою очередь, от показателей 2 лица:

лицо вид	1/3 замысел/начало*	1/3 замысел/начало	2 замысел	2 начало
направление (direction)	эгрессив	ингрессив	эгр/ингр	эгр/ингр
мн. ч.	<i>reny</i>	<i>deny</i>	<i>beny</i>	<i>d'eny</i>
отдаленное прошлое	<i>re</i>	<i>de</i>	<i>be</i>	<i>d'e</i>
недавнее прошлое	<i>ra</i>	<i>da</i>	<i>ba</i>	<i>d'a</i>
настоящее	<i>rer</i>	<i>der</i>	<i>ber</i>	<i>d'er</i>

(* местоимения в языке каража различают категорию вида: действие в состоянии замысла и действие начатое (contemplated/begun aspects))

На морфо-синтаксическом уровне можно выделить следующие возможности проявления маркированности 2-го лица.

В алгонконских языках, в частности в языке оджибве [Schwartz, Dunnigan 1986: 295, Moravcsik 1978: 355], имеет место следующая зависимость: если 2-е лицо участвует в предложении в качестве субъекта или объекта, то глагольным префиксом будет префикс 2-го лица. Если же ни один из актантов не имеет в качестве референта 2-го лица, но один из них выражен местоимением 1-го лица, то глагольным префиксом будет являться префикс 1-го лица.

В языке кечуа [Weber 1986] формы переходных глаголов содержат отсылки к субъекту и объекту. Основное правило следования этих местоименных суффиксов следующее: если актант 2-го лица участвует в предложении как субъект или объект, то позиция его местоименного суффикса всегда финальная; если же 2-е лицо не участвует в действии, то конечную позицию будет занимать суффикс 3-го лица.

Интересно, что в этом языке в выделенном положении находится не только второе лицо, но и инклюзивное первое лицо, т.е. внимание концентрируется на участии в действии адресата высказывания. Так, например, если 3-е лицо выступает в качестве субъекта, а в качестве объекта – 2-е лицо или 1-е лицо инклюзивное, то при маркировании соответствующей лично-ролевой комбинации будет действовать следующее правило: объектный маркер сохраняет лицо реального объекта, а при маркировании субъекта происходит смещение, при котором лицо реального субъекта уподобляется лицу объекта, т.е.:

$3S-2O \Rightarrow 2O...-2S$

$3S-(1+2)O \Rightarrow (1+2)O...(1+2)S$

Например,

rika-shu-nki (verb-2O-2S) "он/а видит тебя" (3S-2O)
rika-ma-nchi (verb-(1+2)O-(1+2)S) "он/а видит нас" (3S-(1+2)O).

[Weber 1986: 335]

В языке потаватоми (алгонконская подгруппа америндских языков) [Plank 1985: 155] обращает на себя внимание личное глагольное согласование. Как видно из приведенных ниже примеров, в инклюзивной форме в качестве личного префикса используется показатель 2-го лица:

<i>n-kaskumi</i>	я убегаю
<i>k-kaskumi</i>	ты убегаешь
<i>w-kaskumi</i>	он убегает
<i>n-kaskumi-mun</i>	мы убегаем (экскл.)
<i>k-kaskumi-mun</i>	мы убегаем (инкл.)
<i>k-kaskumi-um</i>	вы убегаете
<i>w-kaskumi-uk</i>	они убегают.

В языке кри [Ahenakew 1987] глагол согласуется с субъектом и объектом в лице и числе. Но лично-числовые аффиксы не различают субъект и объект как таковые. Это делается с помощью так называемого прямого и обратного (инверсивного) маркирования глагола. Иерархическое упорядочивание лиц в кри выглядит следующим образом: 2>1>3 (лицо, стоящее слева от знака ">", занимает более высокую позицию в иерархии лиц). Глагол в языке кри маркируется прямым показателем, когда субъект превосходит объект по иерархии лиц, и инверсивным показателем в обратной ситуации. Приведем несколько примеров:

<i>ni-pamih-â-nân</i>	"Мы его ищем"
1Pl-verb-Dir-1Pl	
<i>ni-pamih-iko-nân</i>	"Он нас ищет"
1Pl-verb-inv-1Pl	[Ahenakew 1987: 93]
<i>ki-pamih-i-n</i>	"Ты меня ищешь"
2-verb-Dir-2Sg	
<i>ki-pamih-iti-n</i>	"Я тебя ищу"
2-verb-Inv-2Sg	[Ahenakew 1987: 97].

Проанализировав данные из всех упомянутых выше языков, нам удалось заключить следующее:

если в языке имеет место действительная выделенность 2-го лица, то в этом языке обязательно присутствует особая числовая категория "мы инклюзивное", включающая адресата, или иначе говоря, 2-е лицо, в референтное множество. Таким образом, для этих языков характерно противопоставление инклюзивного и эксклюзивного множества, имеющее своей целью подчеркнуть выделенный, особый характер 2-го лица.

Используя символы математической логики и принятые лингвистические обозначения, можно записать:

$2 > (13) \Rightarrow (\text{Incl et Excl.})$

Обратное не верно.

Возможно, исключением из этого правила является испанский язык. Э. Моравчик [Moravcsik 1978: 356] отмечает характер упорядочивания для этого языка личных клитик и аффиксов, при котором второе лицо предшествует первому, а то, в свою очередь, третьему лицу. Однако в местоименной парадигме испанского отсутствует противопоставление "инклюзивность/эксклюзивность". В этом отношении интересно замечание, приведенное в работе Ф. Планка и В. Шеллингера [Plank, Schellinger 1997], по поводу испанских местоимений *nosotros/nosotras*. Дело в том, что с исторической точки зрения эти местоимения образованы слиянием собственно личных местоимений и прилагательного, маркированного категорией рода (Ср. *alteros, alteras* "другой" (муж.,

жен.)). В других романских языках – французском, итальянском, сардинском – это слияние не грамматикализовалось в той степени, как это произошло в испанском, однако используется для различения I лица эксклюзивного и инклюзивного (ср. ит. *noi altri/noi*).

Предвидя возможную критику в адрес использованной в работе языковой выборки, хочется отметить следующее. Действительно, большинство языков, упомянутых в работе, в географическом плане сконцентрировано в Северной и Южной Америке. По данным Дж. Николс [Nichols 1991: 123–4], наличие или отсутствие у местоимений оппозиции "инклюзивность/эксклюзивность" не имеет никакой типологической корреляции, т.е. не соотносится с какими-либо языковыми признаками. С географической точки зрения, распределение местоименной оппозиции инклюзивность/эксклюзивность выглядит следующим образом:

Старый Свет → Новый свет → Пацифика (Австралия, Океания и Новая Гвинея) (направление стрелки указывает возрастание количества языков, в которых у местоимений наличествует оппозиция "инклюзив/эксплюзив") с наибольшей концентрацией в Тихоокеанском регионе (Пацифике). Однако, согласно нашим данным, для австралийских языков характерно выделенное положение 1-го лица, т.е. позиции говорящего, по сравнению со 2-ым и 3-им лицами ($1 > 2 > 3$). Следовательно, наше заключение о связи выделенного характера 2-го лица и наличия оппозиции инклюзивность/эксклюзивность, к которому мы пришли на материале нашей языковой выборки, было в какой-то мере обусловлено экстралингвистическими фактами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ahenakew F. 1987 – Cree Language Structure. Manitoba, 1987.
- Heath J. 1976 – Substantial hierarchies: addendum to Silverstein // Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976.
- Heath J. 1991 – Pragmatic disguise in pronominal-affix paradigms // F. Plank (ed.). Paradigms. The economy of inflection. Berlin, 1991.
- Jensen H. 1930 – Bemerkungen zum ungeschlechtigen Personalpronomen des Indogermanischen // IF 48. 1930.
- Kibrik A.E. 1977 – Canonical ergativity and Daghestan languages // F. Plank (ed.). Ergativity. London, 1977.
- Mallinson G., Blake B.J. 1981 – Language typology. Amsterdam, 1981.
- Moravcsik E. 1978 – Agreement // J. Greenberg (ed.). Universals of human languages. V. 4: Syntax. Stanford, 1978.
- Nichols J. 1992 – Linguistic diversity in space and time. Chicago; London, 1992.
- Newman S. 1944 – Yokuts Language of California. New York, 1944.
- Perlmutter D.M. 1971 – Deep and surface structure constraints in syntax. N.Y., 1971.
- Plank F. 1985 – Die Ordnung der Personen // Folia Linguistica 19. 1985.
- Plank F., Schellinger W. 1997 – The uneven distribution of genders over numbers // ALT 1, 1997.
- Ruhlen M. 1987 – A guide to the world's languages. Stanford, 1987.
- Schwartz L., Dunnigan T. 1986 – Pronouns and pronominal categories in Southwestern Ojibwe // U. Wiesemann (ed.). Pronominal systems. Tübingen, 1986.
- Silverstein M. 1976 – Hierarchy of features and ergativity // Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976.
- Weber D. 1986 – Huallaga Quechua pronouns // U. Wiesemann (ed.). Pronominal systems. Tübingen, 1986.
- Wierzbicka A. 1981 – Case marking and human nature // Australian Journal of Linguistics 1. 1981.
- Wiesemann U. 1986 – The pronominal systems of some Jê and Macro-Jê languages // U. Wiesemann. (ed.). Pronominal systems. Tübingen, 1986.
- Wiesemann U.(ed.). 1986 – Pronominal systems. Tübingen, 1986.